

ВЛИЯНИЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ НА ИЗМЕНЕНИЕ ЧИСЛЕННОСТИ И СОСТАВА РАБОЧИХ РОССИИ

Ю. И. Кирьянов

В. И. Ленин неоднократно обращал внимание на вопрос об изменении состава рабочих в годы первой мировой войны. Война усилила приток в промышленность «новичков»: не искушенных в классовой борьбе крестьян, женщин, подростков и др. При этом следует иметь в виду, что рабочий класс пополнялся как за счет представителей разорившихся крестьян и членов семей рабочих, так и за счет скрывавшихся от мобилизации кулаков, дворян и пр. В. И. Ленин отмечал: «Очень часто, когда говорят: «рабочие», думают, что значит это фабрично-заводский пролетариат. Вовсе не значит. У нас со времен войны на фабрики и на заводы пошли люди вовсе не пролетарские, а пошли с тем, чтобы спрятаться от войны...»¹.

Советские историки начиная с 20-х годов уделяли известное внимание изучению указанного вопроса². В настоящей статье сделана попытка рассмотреть его на примере одного из важнейших районов страны — Южного промышленного района³.

Накануне первой мировой войны (в 1913 г.) в фабрично-заводской и горнозаводской промышленности России было занято 3115 тыс. рабочих⁴, из них в металлургической промышленности юга в среднем ежемесячно насчитывалось 84 552 рабочих, в каменноугольной промышленности Донбасса — 168 440 и в железорудной промышленности Криворожья — 23 700 рабочих. Всего же в указанных трех отраслях промышленности юга было занято 276,6 тыс. рабочих, или около 9% всех

¹ В. И. Ленин Соч. Т. 33, стр. 268; см. там же, стр. 228.

² Е. О. Шатан. Проблема рабочей силы в основных промышленных районах СССР. «Труды Комиссии по металлу при Госплане УССР». Харьков. 1927. № 12; М. Гильберт. К вопросу о составе промышленных рабочих СССР в годы гражданской войны. «История пролетариата СССР». 1934, № 3 (19); А. Г. Рашин. Формирование рабочего класса России. М. 1958; А. А. Нестеренко. Очерки истории промышленности и положения пролетариата Украины в конце XIX и начале XX в. М. 1954; Г. Д. Бакулев. Развитие угольной промышленности Донецкого бассейна. М. 1955; И. Маевский. Экономика русской промышленности в условиях первой мировой войны. М. 1957; М. А. Брусов. Каменноугольная промышленность России в период первой мировой войны 1914—1917 гг. Л. 1952 (кандидатская диссертация); П. Т. Шербина. Змни в складі промислових робітників України в роки першої світової війни. «Наукові записки» Інституту історії АН УССР. Т. 9. Київ. 1957, и др.

³ Здесь находились 22 доменных и передельных завода, угольные шахты Донбасса и железные рудники Криворожья.

⁴ «Динамика российской и советской промышленности в связи с развитием народного хозяйства за сорок лет (1887—1926 гг.)» Т. 1, ч. 3-я. М. 1930, стр. 176—177; А. Г. Рашин. Указ. соч., стр. 64—65.

промышленных рабочих России. Наиболее многочисленным отрядом в составе рабочего класса юга являлись шахтеры. В 1913 г. в Донбассе сосредоточивалось 75% всех рабочих каменноугольной промышленности России⁵, а в 1916 г. (исключая Домбровский бассейн) — 90%⁶. На доменных и передельных заводах юга в 1913 г. было занято более трети общего числа рабочих России, трудившихся на подобного рода предприятиях. Рабочие железных рудников Криворожья составляли 47,7% от общей численности рабочих железорудной промышленности страны⁷.

Одной из отличительных особенностей промышленности юга являлась высокая концентрация производства и рабочей силы. Если в целом по России в 1910 г. на предприятиях с количеством рабочих более 500 было занято 53,4% всех рабочих, то на таких же предприятиях металлургической промышленности юга в 1913 г. сосредоточивалось 99,6% всех рабочих, а в каменноугольной промышленности — 91,1%⁸.

Для металлургических, каменноугольных и железорудных предприятий юга характерным являлось и то, что здесь было много приехавших рабочих. На двух крупных железных рудниках Криворожья («Сухая Балка» и Александровский), судя по данным о распределении по месту рождения рабочих с травматическими повреждениями, в 1909—1913 гг. местные рабочие (то есть из Екатеринославской и Херсонской губерний) составляли 22,3%, выходцы из Киевской губернии — 20,1%, из Черниговской — 26,2%, из Орловской — 13,4% и Могилевской — 6,1%⁹. По данным отчета о деятельности общества врачей промышленных предприятий Екатеринославской губернии, рабочие, обращавшиеся к врачам этого общества, распределялись по месту приписки следующим образом: местные рабочие (Екатеринославская и Херсонская губернии) в 1913 г. — 26,2%, в 1915 г. — 32,3%; из украинских губерний в целом и из Бессарабии в 1913 г. — 47,4%, в 1915 г. — 47,8%; из русских губерний в 1913 г. — 33,0%, в 1915 г. — 21,5%; из белорусских губерний в 1913 г. — 14,0%, в 1915 г. — 12,9%; из Прибалтики в 1913 г. — 2,4%, в 1915 г. — 6,8%; из польских губерний в 1913 г. — 2,1%, в 1915 г. — 11,0%. Прибегавшие к медицинской помощи рабочие из губерний Кавказа составили в 1913 г. 0,1%, рабочие китайского и турецкого подданства и без указания места приписки — соответственно 0,1% и 0,8%¹⁰. Эти данные свидетельствуют о том, что около половины рабочих в промышленности юга были из украинских губерний, а среди приехавших большинство составляли рабочие из русских губерний.

⁵ Подсчитано по данным сборника «Динамика...». Т. I, ч. 3-я, стр. 176.

⁶ Г. Д. Бакулев. Указ. соч., стр. 203.

⁷ Подсчитано по данным сборника «Динамика...». Т. I, ч. 3-я, стр. 176.

⁸ Данные о концентрации рабочей силы в металлургической промышленности подсчитаны по сборнику «Статистика Украины», № 5, серия 3, вып. III. Харьков. 1922, стр. 258—260; подсчеты по каменноугольной промышленности сделаны по среднемесячным данным сборника «Каменноугольная промышленность Южной России в 1913 г.». Вып. I. Харьков. 1914.

⁹ «Труды XI губернского съезда земских врачей и представителей земских учреждений Екатеринославской губ. 20—29 марта 1914 г.». Т. IV. Екатеринослав. 1914, стр. 30—31.

¹⁰ Подсчеты сделаны по данным «Отчета о деятельности Общества врачей промышленных предприятий Екатеринославской губернии... за 1913 (1915) г.». Екатеринослав. 1914 (1916), стр. 38.

В числе белорусских губерний учтены Минская, Витебская, Могилевская, Гродненская; прибалтийских — Ковенская, Виленская, Курляндская, Эстляндская; польских — Люблинская, Варшавская, Радомская, Келецкая, Ломжинская, Петроковская, Седлецкая; кавказских — Тифлисская и Эриванская.

Сводных данных о национальном составе рабочих нет. Некоторое представление о нем дают неполные данные о составе рабочих отдельных предприятий. Так, летом 1915 г. на Трубопрокатном заводе в Екатеринославе русских рабочих (по-видимому, имелись в виду русские, украинцы и белорусы) было 2366 человек, католиков — 152, евреев — 109, немцев (русских подданных) — 5, французов — 1, лютеран — 15, турок-христиан — 1, магометан (русских подданных) — 3 (Государственный архив Днепропетровской области (ГАДО), ф. 2 с., д. 3228, лл. 465—468).

Такой состав рабочей силы в известной мере определял и значительную ее текучесть¹¹. На отдельных металлургических предприятиях юга таковая накануне войны ежегодно достигала 60% от общего числа рабочих¹². Текучесть рабочей силы в каменноугольной промышленности, по-видимому, была еще большей. Это объяснялось тем, что наняться на шахту было гораздо проще, нежели на металлургический завод или железный рудник¹³. Один из участников революционного движения в Донбассе, М. Острогорский, отмечал, что «контингент шахтеров в Донбассе до империалистической войны никогда не был постоянным в силу связанности огромнейшей части последних с деревней и землей. Текучесть состава рабочей силы в сильнейшей степени мешала созданию кадрового революционно-пролетарского ядра на шахтах — рудниках. Эти кадры неизбежно уменьшались при отливах рабочих в деревню весной, а при обратном наплыве их осенью, на «заработки», остававшиеся коренные кадры почти с головой захлестывались этой неорганизованной и распыленной массой, единственным осмысленным стремлением которой было одно лишь желание заработать, не считаясь ни с чем»¹⁴. Переход с одного места работы на другое был связан с попытками рабочих в какой-то мере улучшить свое экономическое положение¹⁵, поскольку на ряде промышленных предприятий, а также на сельскохозяйственных работах в страдную пору оплата наемного труда была выше.

Важнейшим фактором, оказавшим влияние на изменение численности и состава рабочих, явились военные мобилизации. По данным Статистического бюро Совета съезда горнопромышленников, с 1 июля по 1 августа 1914 г. численность рабочих каменноугольной промышленности Донбасса сократилась на 32,6%¹⁶. Эти цифры подтверждаются отчетами окружных инженеров. Так, по сведениям окружного инженера Алмазного горного округа, к 1 августа 1914 г. было мобилизовано в армию около 30% рабочих этого округа¹⁷. Несмотря на то, что к 1 сентября того же года на рудники Алмазного округа вернулось 7—10% призванных в армию¹⁸, здесь ощущалась заметная нехватка квалифицированной рабочей силы¹⁹. В Криворожском железорудном районе с 1 июля по 1 августа

¹¹ Кроме того, крайне тяжелые условия труда вынуждали рабочих покидать на время предприятия и уходить на сельскохозяйственные работы. На этот факт указал, например, врач И. Л. Лиссер, отметивший, что на обследованных им в течение 1904—1906 г. двух железных рудниках Криворожья был весьма незначительный процент рабочих, проработавших более одного года (см. «Журнал Общества русских врачей в память Н. И. Пирогова». Год XIII, 1907, № 8, стр. 750).

¹² Данные по крупнейшему Александровскому заводу см. в журнале «Вопросы страхования», 5 июля 1914 г., № 27(37), стр. 13.

¹³ Так, в 1912 г. самый высокий процент рабочих, бракуемых при медицинском освидетельствовании при приеме на предприятия, был на заводах — 10,4%, на железных рудниках — 8,7%, на шахтах — 4,5% (журнал «Горнозаводское дело», 1914, № 8—9, стр. 8607; см. также журнал «Вопросы санитарии и медицины на горных и горнозаводских предприятиях Юга России». Харьков. 1914, № 5, стр. 12).

¹⁴ М. Острогорский. Рабочее движение в Горловско-Щербиновском районе Донбасса. «Летопись революции», 1928, № 3, стр. 76.

¹⁵ Газета «Голос». Самара. 20 сентября 1916 г., № 2, стр. 4; «Бюллетень харьковской каменноугольной и железоторговой биржи». Харьков. 25 августа 1915 г., № 14.

¹⁶ «Народное хозяйство в 1916 г.». Вып. 3, стр. 65. По данным Совета съезда горнопромышленников, на 1 августа 1914 г. в Донбассе было 92,5 тыс. шахтеров, то есть их численность сократилась по сравнению с довоенным уровнем до 50% («Доклад Совета съезда совещанию горнопромышленников Донецкого бассейна 9 августа 1914 г. о современном положении горной и горнозаводской промышленности Юга России в связи с войной». Харьков. 1914, стр. 2—3, 9). Однако данные «Доклада», тенденциозного по своему существу, по-видимому, преувеличивают убыль рабочей силы.

¹⁷ Центральный государственный исторический архив в Ленинграде (ЦГИАЛ), ф. 37, 1914 г. оп. 58, д. 730, л. 18.

¹⁸ Там же, лл. 84, 99.

¹⁹ Там же, лл. 225, 285.

1914 г. численность рабочих сократилась на 49,8%²⁰. С конца июня по конец июля 1914 г. количество рабочих на южных металлургических заводах преимущественно в результате мобилизации уменьшилось с 95 403 до 78 772 чел., то есть на 17,5%²¹. На некоторых крупнейших металлургических заводах юга в период первой мобилизации было призвано в армию до 30% рабочих, хотя некоторые предприятия потеряли в результате первой мобилизации всего 3—7% рабочих²². Вскоре после начала войны была введена отсрочка по мобилизации для ряда категорий рабочих. Поэтому во время последующих мобилизаций убыль их с предприятий была значительно меньшей, чем в первую мобилизацию. В Горловском горном округе, например, январская мобилизация 1915 г. сократила численность рабочих приблизительно на 6%²³.

Однако пролетарии попадали в армию не только в результате очередных мобилизаций. Все увольняемые с предприятий за участие в стачечном движении фактически лишались отсрочки по мобилизации и по специальному распоряжению воинского начальника направлялись в действующую армию. В период апрельской стачки 1916 г. на крупнейшем металлургическом Днепровском заводе, где бастовало 7 тыс. рабочих, к воинскому начальнику было направлено 362 рабочих²⁴ (3,8% от общей численности на 1 июля 1914 г.). Всего на 1 июля 1915 г. на заводе Гартмана в Луганске было мобилизовано 21,9%, на апрель 1916 г.—около 27%, а на 1 ноября 1916 г.—31,8% от общей численности рабочих завода накануне войны²⁵. С Александровского завода за время войны (до Февральской революции) было мобилизовано 3,9 тыс. рабочих, то есть почти 40% общего количества рабочих на 1 июля 1914 года²⁶. По данным правления Южно-Русского Днепровского металлургического общества от 13 июня 1916 г., с металлургического Днепровского завода было мобилизовано к этому времени 46,9% от общего количества рабочих, числившихся на 1 июля 1914 года²⁷.

Владельцы предприятий стремились увеличить общее число рабочих и таким путем в какой-то степени компенсировать нехватку квалифицированной рабочей силы. В 1916 г. по сравнению с 1913 г. общая чис-

²⁰ «Материалы к учету рабочего состава и рабочего рынка». Вып. I. Пгр. 1916, стр. 119. В «Финансово-экономическом ежегоднике» (год 7-й. Пгр. 1916, стр. 294—295), носившем тенденциозный характер, отмечается, что из Криворожского железорудного района после объявления войны убыло около 60% всех рабочих.

²¹ Данные статистического бюро Совета съезда горнопромышленников юга России («Горнозаводское дело», 1914, № 36, стр. 9528). Эти данные подтверждаются материалами заводоуправлений ряда металлургических предприятий (Филиал Центрального государственного исторического архива (ЦГИА) УССР в Харькове, ф. 938, д. 34, лл. 6, 9, 31 об., 38—39; д. 31, лл. 8, 11 об., 15, 16—16 об.; д. 42; лл. 25—25 об.).

²² В течение июля 1914 г. численность рабочих сократилась на Александровском заводе на 31,9%, Днепровском — на 14,8%, Макеевском — на 3,2%, Ольховском — на 14,3%, Сулинском — на 7%, Краматорском — на 30,2%, Гданцевском — на 5,3%, Кадиевском — на 29,0%, на заводе Гартмана — на 12,5%, Константиновском — на 9,9%. Подсчеты сделаны по данным, поступившим в Совет съезда горнопромышленников от заводоуправлений (Филиал ЦГИА УССР в Харькове, ф. 938, д. 34; см. также ЦГИАЛ, ф. 26, оп. 1, д. 695). В телеграмме от 20 июля 1914 г., направленной в Горный департамент, указывалось, что на металлургическом заводе «Русский Провиданс» было мобилизовано около трети рабочих, а часть рабочих разехалась. В результате на заводе осталось около 60% рабочих (ЦГИАЛ, ф. 37, 1914 г., оп. 58, д. 730, л. 1).

²³ ЦГИАЛ, ф. 37, 1915 г., оп. 58, д. 770, л. 2.

²⁴ ГАДС, ф. 2 с, д. 3297, л. 372. В сборнике «Рабочее движение в годы войны» (М. 1925, стр. 158) приводятся неполные данные о числе рабочих, отправленных к воинскому начальнику (220 человек).

²⁵ Филиал ЦГИА УССР в Харькове, ф. 938, д. 43, лл. 12—15; д. 42, лл. 34, 35. Данные за апрель 1916 г.—Центральный государственный военно-исторический архив (ЦГВИА), ф. 504 (Главное артиллерийское управление), оп. 40, д. 65, л. 270. В период всеобщей июльской стачки 1916 г. в Луганске часть забастовщиков (около 600) была призвана в действующую армию.

²⁶ Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства (ЦГАОР и СС), ф. 7952, оп. 6, д. 109, л. 36.

²⁷ ЦГИАЛ, ф. 33, оп. 1, 1916 г., д. 115, лл. 15—15 об.

ленность рабочих в каменноугольной и металлургической промышленности юга значительно возрастает. В каменноугольной промышленности Донбасса среднемесячная численность рабочих в годы войны изменялась следующим образом: в 1913 г.—168 440 (100%), в 1914 г.—185 823 (110,3%), в 1915 г.—180 600 (107,2%), в 1916 г.—237 811 (141,1%)²⁸. В металлургической промышленности юга на 21 доменном и передельном заводе (без завода «Наваль», сведения по которому за 1915 и 1916 гг. отсутствуют) среднемесячная численность рабочих изменялась следующим образом: 1913 г.—78 938 (100%), 1914 г.—80 204 (101,6%), 1915 г.—82 275 (104,2%) и 1916 г.—110 626 (140,1%)²⁹. В железорудной промышленности Криворожья численность рабочих за это же время несколько снизилась. В 1913 г. здесь работало 23,7 тыс. рабочих (100%), в 1914 г.—21,5 тыс. (90,7%), в 1915 г.—17,5 тыс. (73,8%) и в 1916 г.—22,9 тыс. (96,6%)³⁰.

Значительно изменился в годы войны и состав рабочих (в % %) ³¹. (См. табл. на стр. 94.)

Приведенные в таблице сведения показывают, что за год-полтора до Февральской революции в каменноугольной и металлургической промышленности юга значительно уменьшилась доля невоеннообязанных рабочих, а также еще не призванных военнообязанных рабочих (графа «прочие»). Она соответственно падает с 59,7% до 17,85% и с 41,1% до 19,6% (включая беженцев). В то же время увеличивается доля военнообязанных, получивших отсрочку: в каменноугольной промышленности с 23,7% до 44,94% и в металлургической промышленности с 28,5% до

²⁸ См. «Каменноугольная и антрацитовая промышленность Донецкого бассейна за последние четыре (1913—1916) года». Харьков. 1917, вып. № 697. При показе динамики численности рабочих каменноугольной промышленности нам представляется неправильным пользоваться данными «Статистических бюллетеней Особого совещания по топливу» так, как это делает А. Г. Рашин (Указ. соч., стр. 79). Абсолютные данные Особого совещания за 1916 г., приводимые А. Г. Рашиным, превышают на 5,6% данные Статистического бюро Совета съезда горнопромышленников, в то время как для 1913 г. в «Статистических бюллетенях» используются данные того же Статистического бюро Совета съезда. Это обстоятельство не учитывается и в работе И. Т. Щербины (Указ. соч., стр. 116). Однако следует признать, что абсолютные данные Особого совещания о количестве рабочих более точны (они имеются только за 1916 г.), чем сведения Совета съезда горнопромышленников юга России. Последние неполны, так как не охватывают ряд предприятий, не входивших в эту организацию.

²⁹ Подсчитано по данным Статистического бюро Совета съезда горнопромышленников юга России (ЦИИАД, ф. 26, оп. 1, дд. 606, 695) (помесячные сведения по заводам юга за 11 месяцев 1913 и за 10 месяцев 1914 г.); Государственный архив Харьковской области (ГАХО), ф. 350, оп. 2, д. 7, л. 5 (помесячные сведения в целом по металлургическим предприятиям юга без завода «Наваль» за 1915 и 1916 гг.). Численность рабочих на Керченском заводе за 1913 г. взята за декабрь (2 тыс.), так как до осени завод не работал. Данные по тем же заводам (без завода «Наваль») на конец года, приводимые в исторической литературе (см. И. Маевский. Указ. соч., стр. 337 и др.), дают иное соотношение количества рабочих: в 1913 г.—81 895 (100%), 1914 г.—78 746 (96,15%), 1915 г.—96 162 (110,1%) и 1916 г.—123 437 (150,7%).

³⁰ «Збірник статистичних відомостей по народному господарству України». Київ. 1919, стр. 93. Здесь приводятся среднесуточные данные начальника горного управления Южной России о численности рабочих железорудной промышленности юга за 1913—1915 гг. и Криворожья — за 1916 год. Из данных по югу за 1913—1915 гг. исключены при подсчете рабочие железорудной промышленности Таврического горного округа. Динамика изменения численности рабочих по среднесуточным (среднемесячным) данным значительно отличается от динамики изменения численности по данным на конец года (соответственно 100%; 56,4%; 82,4% и 113,9%). («Горнозаводское дело», 1917, № 11—12, стр. 15550; см. также «Україна. Статистичний справочник». Харків. 1925, стр. 192).

³¹ В каменноугольной и антрацитовой промышленности Донбасса на 1 марта 1917 г. было 3,85% женщин и 6,94% подростков. В графу «прочие» в этом разделе включены китайские рабочие, которых на 1 марта 1917 г. было 0,85%. В разделе «Металлургическая промышленность Юга» в графу «прочие» включены беженцы, составлявшие на 1 марта 1916 г. 2,9%. В железорудной промышленности Криворожья на 1 сентября 1916 г. насчитывалось 5,3% женщин и 4% подростков, на 1 января 1917 г. соответственно — 3,1% и 3,8%. В графу «прочие» (невоеннообязанные) в данном разделе включены жители Средней Азии, составлявшие на 1 января 1917 г. 0,9%.

	Всего (чел.)	Военнообязан- ные, получив- шие отсрочку	Военно- пленные	Женщины и подростки	Прочие
<i>Каменноугольная и антрацитовая промышленность Донбасса</i>					
15 октября 1915 г. ³²	190 122	23,7	8,2	8,4	59,7
1 марта 1917 г. ³³	291 597	44,94	26,42	10,79	17,85
<i>Металлургическая промышленность юга³⁴</i>					
1 марта 1916 г.	99 791	28,5	15,7	14,7	41,1
1 марта 1917 г.	128 495	38,8	27,4	14,2	19,6
<i>Железорудная промышленность Криворожья³⁵</i>					
1 августа 1915 г.	12 871		14,78		
1 октября 1915 г. ³⁶	15 376	13,3	41,9		
1 сентября 1916 г.	23 192	20,3	53,7	9,3	16,7
1 января 1917 г.	25 688	22,0	59,1	6,9	12,0

38,8%. Эти же тенденции, хотя и в меньшей степени, характерны для железорудной промышленности (в железорудной промышленности Криворожья со второй половины 1916 г. более 50% рабочих составляли военнопленные).

К Февральской революции число рабочих, получивших отсрочку, значительно превысило установленную правительством норму в 25% от общего числа рабочих каменноугольной и металлургической промышленности³⁷. На 1 марта 1917 г. в этих отраслях промышленности юга военнопленные соответственно составляли 44,94% и 38,8%. Численность рабочих-мужчин в каменноугольной промышленности за период с 1 марта 1914 г. по 1 марта 1917 г., несмотря на мобилизации, почти не изменилась. Значительную долю рабочих в промышленности юга составляли военнопленные, которые начали прибывать на металлургические предприятия уже в январе 1915 года³⁸. Предприниматели намеревались использовать военнопленных, в частности, во время забастовок. Председатель Совета съезда горнопромышленников юга России писал в мае 1916 г. в докладной записке министру торговли и промышленности, что увеличение числа пленных «явится одним из средств для предупреждения возникновения забастовок»³⁹. Согласно правилам 17 марта 1915 г. об отпуске

³² См. «Труды XI съезда горнопромышленников Юга России». Харьков. Т. II, стр. 20—21. По данным «Известий Центрального военно-промышленного комитета» (Петроград, № 92, 7 мая 1916 г.), на 1 сентября 1915 г. в каменноугольной промышленности юга было занято 15,7 тыс. военнопленных.

³³ Данные угольного отдела Особого совещания по топливу. «Известия Особого совещания по топливу», 1917, № 5, отдел статистики, стр. 4.

³⁴ На 1 марта 1916 г.— данные Совета съезда горнопромышленников («Горнозаводское дело», 1916, № 14—15, стр. 13278); на 1 марта 1917 г.— данные «Бюллетеня Харьковской каменноугольной и железоторговой биржи», 1917, № 5, стр. 110. Абсолютные данные «Бюллетеня...» несколько превышают данные Совета съезда.

³⁵ Данные на 1 августа 1915 г. см. «Материалы к учету...». Вып. I, стр. 119. Остальные данные см. «Ежемесячная статистика железорудной промышленности Криворожского района». Издание Совета съезда горнопромышленников юга России. (Филиал ЦГИА УССР в Харькове, ф. 938, д. 165, л. 2 об; д. 44, л. 13).

³⁶ Данные на 1 октября 1915 г. см. выпуск «Сведения о добыче и вывозе железной руды по Криворожскому району за 1914 и 9 мес. 1915 г.». Харьков. 13 ноября 1915 г., № 603.

³⁷ См. «Борьба за Октябрь на Артемовщине». Артемовск. 1929, стр. 23—24.

³⁸ По данным окружного инженера Горловского горного округа от 30 января 1915 г., на Петровском заводе на 8300 рабочих было 400 военнопленных (ЦГИАЛ, ф. 37, 1915 г., оп. 58, д. 770, л. 2). На Александровский металлургический завод первая партия военнопленных (315 человек) прибыла в начале июля 1915 года (ЦГАОР и СС, ф. 7952, оп. 6, д. 109, л. 22). В июне 1915 г. прибыла партия военнопленных (598 человек) на Днепровский завод (ГАДО, ф. 2 с, д. 3228, л. 399).

³⁹ «Горнозаводское дело», 1916, № 20, стр. 13542. В исторической литературе бытует, на наш взгляд, неправильное безоговорочное утверждение, будто труд военнопленных являлся самым дешевым (А. А. Нестеренко. Указ. соч., стр. 275; И. Ма

военнопленных, их численность не должна была превышать 15% общего числа рабочих на предприятии⁴⁰. Накануне Февральской революции в промышленности Южного района удельный вес военнопленных был значительно выше этой нормы: в каменноугольной промышленности он равнялся 26,42%, в металлургической — 27,4%, в железорудной достигал почти 60%. В то же время в Московском промышленном районе, по данным заводских совещаний на 1 сентября 1916 г., военнопленные во всех группах предприятий в целом составляли всего лишь 1,5% от общей численности рабочих⁴¹.

В годы войны, особенно в начальный ее период, усилился приток в промышленность женщин и подростков. Если в 1913 г. в каменноугольной и антрацитовой промышленности Донбасса численность женщин и подростков соответственно составляла 1,6% и 7,8%, то в 1916 г. их было уже 4,5% и 6,8%⁴². Особенно увеличилось применение женского и детского труда в металлургической промышленности: в 1913 г. женщины составляли здесь 0,4%, подростки — 2,9%, в 1914 г. — соответственно — 0,7% и 3,9%, в 1915 г. — 4,7% и 9,4%. В 1916 г. общий процент женщин и подростков, занятых в металлургической промышленности юга, равнялся 17,8⁴³. Заметное увеличение численности женщин и подростков в этот период наблюдалось также и в железорудной промышленности: в 1913 г. они составляли соответственно 0,05% и 3,8%, в 1914 г. — 0,23% и 5,0%, в 1915 г. — 3,1% и 5,3%, в 1916 г. — 4,5% и 3,8%⁴⁴. Доля женщин и под-

е в с к и й. Указ. соч., стр. 323, и др.). Имеющиеся архивные материалы свидетельствуют о том, что труд неквалифицированных военнопленных на Днепровском и Петровском металлургических заводах весной 1916 г. обходился предпринимателям дороже труда низкооплачиваемых русских рабочих (ГАДО, ф. 39 с. д. 1, лл. 12—13; ф. 2 с. д. 3297, л. 40). По данным начальника горного управления Южной России, в мартеновском цехе Никополь-Мариупольского завода в марте 1916 г. заработок русских чернорабочих был ниже, чем у военнопленных (ЦГИАЛ, ф. 37, оп. 58, 1916 г., д. 827, лл. 55 об—56). При этом необходимо иметь в виду, что производительность труда военнопленных была значительно ниже, чем у русских рабочих (см. «Материалы к учету...». Вып. 1, стр. 40; вып. II, Пгр. 1917, стр. 36; ГАДО, ф. 2 с. д. 3417, лл. 218—219, и др.). В ряде случаев (даже в период крупных забастовок) предприятия продолжали действовать, используя главным образом труд военнопленных. Например, на Днепровском металлургическом заводе в апреле 1916 г., когда забастовка приняла общий характер и во всех цехах была прекращена работа, только две домны еле-еле поддерживались, да и то при помощи лишь военнопленных» (ГАДО, ф. 39 с. д. 2, лл. 30—32). Такие же факты имели место в период майско-июньской забастовки 1916 г. на крупном металлургическом Донецко-Юрьевском заводе (там же, ф. 2с, л. 3376, л. 45) и т. д. Таким образом, труд военнопленных нередко использовался прежде всего во время забастовок, а не вследствие его дешевизны.

⁴⁰ ГАХС, ф. 3, оп. 289, д. 5061, л. 32.

⁴¹ П. И. Лященко. История народного хозяйства. Т II. М.-Л. 1952, стр. 612.

⁴² Данные за 1913 и 1914 гг. опубликованы в сборнике «Каменноугольная промышленность России в 1914 г.» (Вып. II, ч. I. Харьков. 1915, стр. XXVI). Среднее число женщин в августе и ноябре 1913 г. не превышало 1,58% (там же, стр. XXXVII). По данным «Отчета начальника Горного управления Южной России за 1913 (1914, 1915) гг.» Екатеринбург. 1914 (1915, 1917), отдел I, стр. 4, 80), доля женщин и подростков была весьма близка к указанному выше числу и соответственно составляла в 1913 г. 0,6% и 9,6%. Для 1916 г. среднемесячное число женщин и подростков подсчитано по данным угольного отдела Особого совещания по топливу за первые одиннадцать месяцев (см. «Известия Особого совещания по топливу», №1, декабрь 1916, стр. 26, 40; № 2, февраль 1917, стр. 160).

⁴³ Данные за 1913—1915 гг. подсчитаны по «Отчету начальника Горного управления Южной России за 1913 (1914, 1915) г.». В 1915 г. на 15 металлургических заводах, учтенных в этом источнике работало 64 286 рабочих, то есть 78,1% от общего числа рабочих, занятых в металлургической промышленности юга России (21 предприятие). Доля женщин и подростков в 1916 г. вычислена по ежемесячным данным Совета съезда горнопромышленников за первые одиннадцать месяцев (за январь — май — «Горнозаводское дело», 1916, стр. 13098, 13278, 13657; за июнь—ноябрь — «Материалы к учету...». Вып. II, стр. 120).

⁴⁴ Данные по железорудной промышленности юга России за 1913, 1914 и 1915 гг. подсчитаны по «Отчету начальника Горного управления Южной России за 1913 (1914, 1915) г.» Для 1916 г. приведены средние по месячным данным за второе полугодие по Криворожскому району. См. «Ежемесячная статистика железорудной про-

ростков накануне войны в железорудной промышленности (3,85%) была меньшей, чем в каменноугольной (9,4%), и почти такой же, как в металлургической (3,3%). В 1916 г. на железных рудниках, несмотря на острую нужду в рабочей силе, женщин и подростков было меньше, чем на предприятиях каменноугольной или металлургической промышленности (соответственно 8,3%, 11,3% и 17,8%). При увеличении численности рабочих-подростков в каменноугольной промышленности в годы войны их удельный вес, однако, несколько снизился, что объясняется общим увеличением численности рабочих в данной отрасли промышленности. В 1916 г. по сравнению с 1915 г. несколько снизилась доля подростков в железорудной промышленности, что было связано, по-видимому, с частичной заменой их труда более производительным трудом женщин и военнопленных.

Рабочие из числа беженцев, жителей окраин России и иностранцев составляли сравнительно незначительную долю общего числа рабочих, хотя буржуазия предпринимала меры для пополнения рабочей силы промышленности юга, в частности за счет вербовки китайских рабочих. В каменноугольной промышленности в 1916 г. доля беженцев не превышала одного процента от общего числа рабочих. Хотя в Екатеринославской губернии в конце 1915 — начале 1916 г. находилось более 200 тысяч беженцев, въезд в шахтерские уезды был для них ограничен специально принятым решением, запрещавшим направлять в Донбасс беженцев во избежание заноса туда заразных болезней⁴⁵. К тому же беженцы из западных губерний являлись преимущественно сельскохозяйственными рабочими⁴⁶. В металлургической промышленности в начале 1916 г. численность беженцев составляла около 3%.

Вопрос о пополнении рабочей силы каменноугольной промышленности Донбасса рабочими, завербованными в Китае, Корее, Иране, Японии и других странах, усиленно обсуждался еще в начале 1915 года. В Совет съезда горнопромышленников юга России поступали запросы о том, как получить указанных рабочих. Вместе с тем отдельные подрядчики направляли в Совет съезда свои предложения о доставке рабочих из Китая, Ирана, Кавказа и других мест. Но до специального постановления совета министров ввоз китайцев разрешался лишь на территорию восточнее Волги. Только 30 июня 1916 г. это ограничение было снято⁴⁷, и на рудниках Донбасса стал применяться в очень незначительных размерах труд китайцев. Осенью 1916 г. численность китайских рабочих составляла здесь около 0,5%, а к 1 марта 1917 г. — 0,85%.

В небольших размерах на предприятиях юга применялся труд узбеков и туркмен. Для работы на крупнейшем металлургическом Александровском заводе Брянского общества были привлечены по реквизиции сначала 373 узбека и затем 249 туркмен, что составило приблизительно 4% от общего числа рабочих завода на 1 февраля 1917 года⁴⁸. На Сулинском металлургическом заводе к 1 февраля 1917 г. 80 рабочих, то есть 1,5%, были неславянского происхождения («инородцы») ⁴⁹. На металлургическом заводе «Русский Провиданс» насчитывалось, по данным на 1 ноября 1916 г., 450 узбеков, или 11,3% (помимо 1229 военнопленных,

мышленности Криворожского района». Издание Совета съезда горнопромышленников юга России. Харьков. Выпуски за июль, август, декабрь. Филиал ЦГИА УССР в Харькове, ф. 938, д. 165, л. 2 об.; д. 44, лл. 10, 13; выпуски за сентябрь и октябрь имеются в Государственной библиотеке СССР имени В. И. Ленина. Данные за ноябрь — «Материалы к учету...». Вып. II, стр. 34—35.

⁴⁵ См. «Отчет Екатеринославского комитета Всероссийского союза городов за время по 1 января 1916 г.». Екатеринослав. 1915, стр. 110—111.

⁴⁶ ЦГИАЛ, ф. 37, оп. 58, 1915 г., д. 790, л. 56 об.

⁴⁷ Филиал ЦГИА УССР в Харькове, ф. 938, д. 20, лл. 63, 65.

⁴⁸ ЦГИАЛ, ф. 37, 1916 г., оп. 58, д. 835, л. 383.

⁴⁹ Филиал ЦГИА УССР в Харькове, ф. 938, д. 211, л. 22.

составлявших 30,9% всех рабочих)⁵⁰. Данных о наличии узбеков на других металлургических предприятиях юга нет. Рабочие из Средней Азии использовались в конце 1916 г. также на железных рудниках Криворожья. Однако доля их была здесь очень мала и колебалась в пределах 0,5—1%; на 1 октября их было 138, на 1 декабря — 150 и на 1 января 1917 г. — 248 человек⁵¹.

Вызванные войной и мобилизациями изменения в составе рабочих южного района нашли свое выражение и в сокращении численности квалифицированной, наиболее постоянной рабочей силы. По нашим подсчетам, 55% призванных в действующую армию с завода Гартмана в период первой мобилизации составляли квалифицированные и лишь 45% неквалифицированные или малоквалифицированные рабочие («чернорабочие», «рабочие», «ученики»)⁵². Из числа мобилизованных с того же завода с начала войны по 1 ноября 1916 г. 53,8% составляли квалифицированные рабочие и 46,2% — чернорабочие⁵³.

На пяти металлургических заводах юга (Днепровском, «Русском Провидансе», заводе Новороссийского общества, Ольховском и Дружковском) доля квалифицированных и неквалифицированных рабочих за период с июня 1914 г. по июль 1916 г. изменилась следующим образом⁵⁴:

	1914 г. (до войны)	1915 г.	Середина 1916 г.
Квалифицированные: всего (чел.)	16 197	14 090	16 146
в %	64,94	49,84	43,8
в том числе:			
мужчин	64,84	49,24	43,0
женщин	0,1	0,33	0,5
военнопленных	—	0,27	0,3
Чернорабочие: всего (чел.)	8 738	14 173	20 687
в %	35,06	50,16	56,2
в том числе:			
мужчин	32,74	31,4	29,6
женщин	1,82	3,13	5,1
подростков	0,5	7,43	7,3
военнопленных	—	8,2	14,2

Таким образом, численность квалифицированных рабочих на указанных заводах заметно уменьшилась в 1915 г. по сравнению с довоенным временем (на 13%) и только в середине 1916 г. достигла довоенного уровня. Однако в связи с увеличением общей численности рабочей силы доля квалифицированных рабочих к середине 1916 г. по сравнению с довоенным временем упала с 65% до 44%. К тому же квалификация рабочих в целом снизилась⁵⁵. Нередко убыль даже сравнительно незначительного числа квалифицированных рабочих заметно сказывалась на производстве. Окружной инженер Горловского горного округа сообщал в своем донесении от 6 апреля 1915 г., что в резуль-

⁵⁰ Подсчитано по данным ЦГВИА, ф. 369 с, оп. XV, д. 2, ч. 4, лл. 446—447.

⁵¹ Филиал ЦГИА УССР в Харькове, ф. 938, д. 165, л. 1.

⁵² Подсчеты сделаны по данным заводоуправления. ЦГВИА, ф. 1837, оп. 1, д. 127, 1914 г., лл. 88—103.

⁵³ Филиал ЦГИА УССР в Харькове, ф. 938, д. 43, лл. 12—15; д. 42, лл. 34, 35.

⁵⁴ Подсчитано по данным ЦГВИА, ф. 369 с, оп. XVI, д. 23, л. 243

⁵⁵ На 1 марта 1917 г. на трех других южных металлургических заводах (Константиновском, Сулинском и Трубопрокатном) соотношение квалифицированных и неквалифицированных рабочих было следующим: квалифицированных — 53,4% (8 944 человека), в том числе: мужчин — 48,76%, женщин — 1,47%, подростков — 0,74%, военнопленных — 2,43%; чернорабочих — 46,6% (7 801 человек), в том числе: мужчин — 7,99%, женщин — 14,72%, подростков — 8,37%, военнопленных — 15,52%. Подсчитано по данным филиала ЦГИА УССР в Харькове, ф. 938, д. 211, лл. 2, 13, 24.

тате отправки в действующую армию 25 забойщиков, принимавших участие в апрельской забастовке на шахте № 1 Южно-Русского общества (всего бастовало 772 из 1 100 рабочих шахты), добыча угля упала приблизительно на 15%. В связи с этим окружной инженер присоединился к ходатайству предпринимателей о возвращении указанных рабочих⁵⁶. Летом 1915 г. Военно-промышленный комитет и Совет съезда горнопромышленников юга России⁵⁷ возбудили вопрос о возвращении по именованным спискам из действующей армии рабочих, техников и инженеров, отсутствие которых тяжело отражалось на производстве. Однако штаб верховного главнокомандующего решил этот вопрос положительно только 22 января 1917 года⁵⁸.

Текущая рабочая сила, характерная для тяжелой промышленности юга, в определенной мере обуславливалась не только войной, но и связью значительной части рабочих юга с сельским хозяйством. Накануне войны процесс освобождения рабочих от связи с землей в целом ускорился⁵⁹. Однако на юге в силу существовавших здесь конъюнктурных условий, а также крайне тяжелых условий труда на предприятиях часть рабочих, уже порвавших связь с землей, в весенне-летний период все же уходила заниматься на сельскохозяйственные работы. Журнал «Горнозаводское дело» сообщал в начале 1915 г., что за последние годы в Донецком бассейне в течение 3 месяцев на которые падают основные сельскохозяйственные работы, недоставало до 30% рабочих для удержания добычи угля на прежнем уровне⁶⁰.

По сравнению с довоенным временем отлив рабочих на полевые работы (по крайней мере, до 1916 г.) в силу ряда причин значительно возрос⁶¹. Пополнение промышленности в годы войны выходцами из деревни увеличило долю рабочих, связанных с сельским хозяйством. А нехватка рабочих рук в деревне повлекла за собой, в свою очередь,

⁵⁶ ГАДО, ф. 4 с, д. 1300, л. 80.

⁵⁷ Проходивший в конце 1916 г. 41-й съезд горнопромышленников юга России отметил, что одним из действенных средств увеличения добычи каменного угля в Донбассе «явилось бы возвращение из армии квалифицированных рабочих». См. «Горнозаводское дело». 1916, № 51, стр. 14937—14938.

⁵⁸ П. Ш е л я к и н. Война и угольная промышленность. Сборник «Война и топливо 1914—1917 гг.». М.-Л. 1930, стр. 39.

⁵⁹ См. В. И. Д е н и н. Соч. Т. 18, стр. 442.

⁶⁰ «Горнозаводское дело», 1915, № 8, стр. 10510 (примечание). В этом же номере отмечалось, что среднестатистическая нехватка рабочей силы исчислялась лишь 13%. В ряде работ советских историков применяется, на наш взгляд, неправильная методика определения доли рабочих, связанных с землей, а также доли «постоянных» (несезонных) и кадровых рабочих. Так, Г. Д. Бакулев, отмечая уменьшение в предвоенные годы числа рабочих на шахтах Донбасса в течение марта—апреля по сравнению с зимними месяцами на 11—16%, считает, что эта цифра определяет и долю рабочих, связанных с землей (Г. Д. Бакулев. Указ. соч., стр. 204). Горный инженер Меллер, занимавшийся вопросами пополнения горной промышленности Донбасса рабочей силой, писал, что приходившие в Донбасс на заработки из внутренних губерний страны крестьяне делились «на летних и зимних рабочих, которые сменяли друг друга» (см. Э. Ф. Меллер. О необходимости ввоза в Донецкий бассейн китайских рабочих. «Горнозаводское дело», 1916, № 47, стр. 14709). По нашим подсчетам, на 24 рудниках Боково-Хрустального горного района Донбасса с начала и до конца июня 1915 г. при уменьшении общей численности рабочих всего лишь на 2,6% фактически с рудников ушло 16,4% рабочих, значительная часть которых была заменена новыми рабочими (Филиал ЦГИА УССР в Харькове. ф. 938, оп. 1, д. 49, лл. 4—4 об.). Следовательно, статистические данные о численности рабочих на начало и конец месяца не дают еще правильного представления о действительной текущей рабочей силе. Это обстоятельство не учитывается не только в книге Г. Д. Бакулева, но и в ряде других работ при определении доли постоянных рабочих (например, А. Г. Рашин. Указ. соч., стр. 510—511; Ф. Е. Лось. Формирование рабочего класса Украины и его революционная борьба в конце XIX и в начале XX столетия. Киев. 1955, стр. 155). А. А. Нестеренко даже пишет, что накануне войны в металлургической промышленности юга количество кадровых (?) рабочих достигало 100%, а в угольной — 87% (А. А. Нестеренко. Указ. соч., стр. 155).

⁶¹ См. «Материалы к учету...». Вып. I, стр. 25.

увеличение периода пребывания рабочих на полевых работах. Администрация некоторых рудников с целью уменьшения количества заявок на расчет весной 1915 г. выдала рабочим аванс вперед⁶². Тем не менее уход на полевые работы продолжался. В письме от 14 мая 1915 г. из Рутченкова (по-видимому, одного из администраторов шахты) отмечалось: «Добыча угля и количество рабочих сократились на 25—30%. Предвидится дальнейший отлив рабочих на полевые работы. Прилива же не предвидится»⁶³. Бахмутский уездный исправник в донесении губернатору от 10 апреля 1915 г., характеризуя положение дел на мелких шахтах Никитовского и Щербиновского районов, писал: «Число рабочих на мелких шахтах стало $\frac{1}{3}$ нормального количества по примеру прошлого года по случаю весеннего времени и полевых работ. Разница лишь та, что прошлые годы обыкновенно после пасхи из ушедших рабочих временно, до июня, возвращалось около 6%; теперь этого не наблюдается, очевидно, по случаю военного времени и недостатка рабочих для домашнего обихода»⁶⁴. Уполномоченные съезда горнопромышленников юга России сообщали, что обычно с начала апреля в связи с полевыми работами на шахтах оставалось лишь 65—70% от общего числа рабочих, занятых в зимнее время⁶⁵. В Лисичанском районе в июле 1916 г. около 40% рабочих шахт были жителями окрестных сел и деревень, имевшими свои хозяйства. В определенные месяцы они уходили домой на полевые работы⁶⁶.

В 1916 г. текучесть рабочих в целом в промышленности юга заметно сокращается ввиду последовавшего еще в 1915 г. запрещения под угрозой призыва в армию покидать предприятия хотя бы временно. Однако и эта мера не приостановила отлива рабочих в весенне-летний период⁶⁷. В ряде случаев рабочие, несмотря на запрет, покидали предприятия и уезжали в деревню. Массовый уход рабочих с предприятий имел место и в период крупных забастовок 1916 г. на предприятиях юга. Так было, например, во время апрельской стачки 1916 г. на металлургическом Днепровском заводе, с которого ушло 21,5% от общей численности рабочих⁶⁸; аналогичным было положение и в период горловско-щербиновской стачки шахтеров в апреле—мае 1916 года⁶⁹.

Связь с сельским хозяйством некоторой части рабочих металлургических предприятий юга как накануне, так и во время войны была значительно слабее, чем у рабочих каменноугольной промышленности. Накануне войны часть рабочих металлургических заводов (Александровского, Гантке, Днепровского и др.), проживая в прилегающих к заводам поселках, вела небольшое подсобное хозяйство⁷⁰. На металлургических предприятиях, расположенных в Донбассе, связь с деревней была более заметной, чем на таких же предприятиях, находившихся около крупных городов (например, под Екатеринославом). Правление Русско-Бельгийского металлургического общества, сообщая в Горный департамент об уходе летом 1915 г. рабочих с Петровского завода (Енакиеве) на полевые работы, отмечало, что рабочие, нанимавшиеся

⁶² ЦГИАЛ, ф. 37, 1915 г., оп. 58, д. 770. л. 69.

⁶³ ЦГИАМ, ф. Департамента полиции, перлюстрация, 1915 г., д. 564, л. 927.

⁶⁴ ГАДО, ф. 4с, д. 1300, л. 53 об.

⁶⁵ «Горнозаводское дело», 1916, № 4, стр. 12844.

⁶⁶ ЦГИАЛ, ф. 37, 1916 г., оп. 58, д. 825, л. 261.

⁶⁷ Нам представляется неверным утверждение, содержащееся в «Материалах к учету...» (вып. II, стр. 17), о том, что к 1916 г. отлив рабочих из промышленности в деревню почти совершенно прекратился.

⁶⁸ Подсчитано по данным ЦГВИА, ф. 369, оп. 9, д. 21, ч. 1, л. 23 и ГАДО, ф. 2с, д. 3298, л. 161.

⁶⁹ ГАХО, ф. 3, оп. 289, д. 5834, л. 8 об.

⁷⁰ И. Л. Болясный. Рабочее движение в Екатеринославской губернии в годы революционного подъема (1912—1914 гг.). Днепропетровск. 1951, стр. 143 (кандидатская диссертация).

на сельскохозяйственные работы в страдную пору, получали за свой труд более высокую плату, чем на заводе. В сообщении подчеркивалось, что «явление это не ново и повторяется каждый год». «Петровские заводы расположены в... районе и по соседству с богатыми немецкими колониями, и поэтому вполне естественно в известные моменты летнего времени недостаток рабочих дает себя чувствовать здесь сильнее, чем, например, на заводах, расположенных вблизи больших городов, как, например, около Екатеринослава»⁷¹.

Уход на сельскохозяйственные работы в весенне-летний период имел место накануне войны и среди рабочих железных рудников Криворожья⁷².

Доля рабочих, по разным причинам ежегодно покидавших предприятия южного промышленного района, была весьма большой. В 1915 г. даже на некоторых металлургических заводах она составляла 56—65%: на Александровском заводе (с числом рабочих 8 150 человек) рабочих со стажем работы на этом предприятии менее года насчитывалось 56,0%⁷³. По данным отчета основной кассы металлургического Никополь-Мариупольского завода за 1915 г., состав участников кассы, охватывавшей около 93% всех рабочих завода, за год сменился на 65%⁷⁴. На крупнейшем металлургическом Днепровском заводе (в поселке Каменском), по данным директора завода от 11 января 1916 г., ежегодно рассчитывалось около 60% (свыше 6 тыс.) всех рабочих и такое же количество поступало вновь. Группа «не коренных рабочих», то есть в значительной части рассчитываемых в течение года, распределялась следующим образом: рабочих со стажем около года насчитывалось: военнопленных — 1 435; рабочих цеха общих работ (то есть неквалифицированных или малоквалифицированных) — 3 684; женщин — 465; подростков — 885⁷⁵.

Несмотря на призывы рабочих в действующую армию, на металлургических предприятиях все же оставалось в 1915 г. приблизительно 35—40% рабочих со стажем работы на одном и том же предприятии 3—5 лет. На Александровском металлургическом заводе рабочих со стажем 3 года и более было в 1915 г. 34,0%⁷⁶; на Днепровском металлургическом заводе в январе 1916 г. коренных заводских рабочих — специалистов (проработавших на заводе не менее 5 лет) было 4 200 (38,2%)⁷⁷. В 1916 г. число рабочих, проработавших непрерывно на одном предприятии несколько лет, уменьшается. В связи с апрельской забастовкой 1916 г. на Днепровском заводе «постоянный контингент» рабочих составлял лишь 25—30% от общего их числа (10 тыс.)⁷⁸. По данным отчета о деятельности Общества врачей промышленных предприятий Екатеринославской губернии, обращавшиеся за медицинской помощью рабочие по продолжительности работы на последнем по времени предприятии распределялись следующим образом: проработавших до полугода в 1913 г. было 34%; в 1915 г. — 43%; до 2 лет соответственно — 57% и 66%; от 2 до 15 лет — 39% и 29%; от 15 лет и более — 4% и 5%. Эти данные свидетельствуют также о том, что в 1915 г. приблизительно треть рабочих имела стаж работы на последнем предприятии более 2 лет (в 1913 г. такие рабочие составляли 43%). Значительный интерес представляют данные этого же общества об общем произ-

⁷¹ ЦГИАЛ, ф. 37, оп. 58, 1915 г., д. 788, л. 37.

⁷² «Журнал Общества русских врачей в память Н. И. Пирогова». Год XIII. 1907, № 8, стр. 751.

⁷³ Подсчитано по данным ЦГАОР и СС, ф. 7952, оп. 6, д. 109, л. 24.

⁷⁴ «Вопросы страхования», 1916, № 12, стр. 8.

⁷⁵ ГАДО, ф. 2с, д. 3297, лл. 386 об.— 387.

⁷⁶ ЦГАОР и СС, ф. 7952, оп. 6, д. 109, л. 24.

⁷⁷ ГАДО, ф. 2с, д. 3297, лл. 386 об.— 387.

⁷⁸ Там же, д. 3129, л. 52 об.

водственном стаже работы на заводах рабочих, которые обращались за медицинской помощью: в 1913 г. с общим стажем до полугода их было 11%, до 3 лет — 32%, от 3 до 15 лет — 51%, 15 лет и более — 17%. В годы войны доля рабочих со стажем от 3 до 5 лет уменьшается, но наряду с этим увеличивается процент рабочих с небольшим стажем (от нескольких месяцев до 3 лет), а также в незначительной степени — процент рабочих со стажем более 15 лет⁷⁹.

Война оказала заметное влияние и на концентрацию рабочей силы. Это влияние в различных отраслях тяжелой промышленности юга проявилось по-разному. В металлургической промышленности доля рабочих, занятых на заводах-гигантах (с числом рабочих более 10 тыс. человек), увеличилась с 1913 г. по 1915 г. с 12,3% до 24%. В то же время в каменноугольной промышленности в связи с тем, что здесь в силу ряда причин в годы войны увеличилось число мелких предприятий, концентрация рабочей силы несколько снизилась. На предприятиях каменноугольной промышленности Донбасса с числом рабочих более 500 человек в 1913 г. было занято 91,1%, а в 1915 г. — лишь 69,8% общего числа рабочих. Основная масса рабочих была сосредоточена по-прежнему на предприятиях с числом рабочих 100 и более⁸⁰.

Изменение состава рабочих в промышленности юга в годы войны, а также уменьшение концентрации рабочей силы в каменноугольной промышленности сказались на рабочем движении в этом районе. Если в 1905 г. количество стачечников в Петербургской губернии (1 012,3 тыс.) превышало число стачечников Екатеринославской губернии (370 тыс.) в 2,7 раза (включая повторные выступления)⁸¹, то во второй половине 1914—1916 гг. количество стачечников только одного Петрограда превышало их число в Екатеринославской губернии в 5,5—6,5 раза⁸².

Подведем краткие итоги. Война существенно повлияла на изменение численности и состава рабочих Южного промышленного района. В 1914—1916 гг. состав рабочих становится здесь менее пролетарским. В силу того, что значительную часть рабочих тяжелой промышленности Южного района составляли не местные, а пришлые рабочие, а также ввиду большого удельного веса среди рабочих юга мужчин и в связи с некоторыми другими причинами⁸³, изменения в составе рабочих промышленных предприятий юга в годы войны были более значительными, чем в некоторых других промышленных районах страны. Эти изменения отразились и на рабочем движении как до, так и после Февральской революции, что прежде всего проявилось в «отставании» рабочего движения на юге России по сравнению с таким промышленным районом, как Петроградский.

⁷⁹ Подсчеты сделаны по данным «Отчета о деятельности Общества врачей промышленных предприятий Екатеринославской губернии... за 1913 (1915) г.», стр. 24—25.

⁸⁰ Данные о концентрации рабочей силы в металлургической промышленности подсчитаны по сведениям на конец года. Сборник «Статистика Украины» (№ 3, серия 3, вып. III, Харьков, 1922, стр. 258—260); данные о концентрации рабочей силы в каменноугольной промышленности подсчитаны по среднемесячным сведениям сборника «Каменноугольная промышленность... в 1913 (1915) г.». Вып. I.

⁸¹ А. С. А м а л ь р и к. Размещение стачечников в Европейской России в 1905 г. «Исторические записки». Т. 52, 1955, стр. 174.

⁸² См. И. И. К р ы л о в а. К вопросу о статистике стачек петроградских рабочих в годы первой мировой войны. Сборник статей «Из истории империализма в России». М.-Л. 1959, стр. 425—426; Ю. И. К и р ь я н о в. Стаечная борьба рабочих Екатеринославской губернии в годы первой мировой войны (июль 1914 — февраль 1917 г.). «История СССР», 1960, № 4.

⁸³ Здесь имеются в виду меньшая острота продовольственного кризиса на юге страны и блее ощутимое отражение на рабочем движении ударов, наносимых полицией местным большевистским организациям.